

В. П. КЛАДОВА

И. И. КАЗАРИНОВ — ВРАЧ, БИБЛИОФИЛ, ЧЕЛОВЕК

История и судьбы личных библиотек XIX-XX вв. привлекают внимание не только библиотекарей. Ими интересуются ученые, библиофилы, ценители книги. И это вполне естественно: в книжных коллекциях прошлого отразились взгляды, стремления, вкусы, интересы их собирателей и читателей. Бесспорно, что значение выявления и реконструкции личных библиотек очень велико. Сегодня краевая библиотека хранит большое количество книг, принадлежавших ранее многим людям. В разное время и разными путями «вливались» они в состав книжного фонда библиотеки.

В настоящее время отдел редких книг заканчивает начатую в 1989 г. работу по реконструкции личной библиотеки Ивана Ивановича Казаринова — врача, прослужившего около 40 лет в Алтайском округе. Результаты этого изыскания были опубликованы в 1992 г. в Красноярске в сборнике «Вторые Юдинские чтения», а также в шестнадцатом томе «Алтайского сборника» в 1995 г. Но на этом не хотелось бы ставить точку. И вот почему.

В 1895 г. книжный рынок Сибири пополнился двумя новыми книгами. В Томске в паровой типо-литографии П.И. Макушина были изданы «Краткий очерк холерной эпидемии в Барнауле 1892 года» врача А.Недзвецкого и «Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе» врача И.Казаринова. Одноименные статьи этих авторов годом ранее были опубликованы в первом томе «Алтайского сборника», изданного в Томске в 1894 г.

Связывает две эти книги многое. Во-первых, посвящены они одной теме — холерной эпидемии в Алтайском округе, во-вторых, писали их врачи, работавшие в то страшное время на Алтае, знавшие и глубоко уважавшие друг друга, в-третьих, обе книги находятся сегодня в фонде Алтайской краевой библиотеки им. В.Я.Шишкова в составе книжного собрания Ивана Ивановича Казаринова.

Собрание книг И.И. Казаринова поступило в краевую библиотеку в 1921 г. в составе фонда библиотеки Барнаульского реального училища Николая II и оказалось разрозненным. Как бы предчувствуя такую судьбу своей библиотеки, И.И. Казаринов снабдил свои книги надежными опознавательными ориентирами — суперэкслибрисами «И.К.» и автографами, а также оставил на страницах книг маргиналии. Второй владелец библиотеки — реальное училище — продолжил эту работу и снабдил почти

каждую книгу экслибрисом. Благодаря этому принадлежавшие И.Казаринову экземпляры атрибутируются довольно легко и ныне уже все выявлены и описаны. Следует сказать, что упомянутые выше автографы и пометы на книгах из библиотеки И.Казаринова явились предметом исследования для молодого сотрудника отдела редких книг Мазуриковой Е.А. Результаты этого исследования публикуются в данном сборнике.

Задача настоящей публикации — продолжить знакомить широкий круг читателей как с книжным собранием, так и с его владельцем Иваном Ивановичем Казариновым, с последним — в большей мере. Статья не претендует на полное освещение всех аспектов темы и базируется, в основном, на уже упомянутой выше публикации «Библиотека И.Казаринова в фондах АКУНБ им. В.Я. Шишкова» в «Алтайском сборнике» (т. 16. 1992), а также на малочисленных архивных документах, содержащих совсем мало данных о Казаринове — человеке, враче, библиофиле. Они не могут быть исчерпывающими без учета материалов личной библиотеки И.Казаринова.

Судя по архивным материалам, библиотека И.Казаринова в конце XIX — начале XX вв. выделялась не только количеством и прекрасным подбором книг, но и тем, что была доступна для определенной категории жителей города. Она не носила характера специальной коллекции, не замечалось при ее комплектовании специального подбора. И.Казаринов не покупал строго определенные книги и не стремился подбирать только книги узко очерченного типа, характера, определенных хронологических рамок и одного какого-либо содержания. Однако, в ней есть отделы, специально им подбираемые. Я имею в виду прекрасно подобранный отдел медицинской литературы. Здесь собрана не узкопрофильная литература по медицине, а книги по многим специальностям, необходимые единственному врачу на весь завод и окрестные села: по педиатрии, хирургии, гинекологии, неврологии, отоларингологии, терапии, психиатрии и т.д. Сам И.И. Казаринов постоянно осваивал литературу по медицине, внимательно следил за развитием философских, экономических, политических и социальных теорий, религиозных учений, за достижениями искусствоведения, литературы. Это видно из состава его библиотеки. Значительное место в ней занимает художественная литература на русском языке. Античная литература представлена Аристофаном, Гомером, Апулеем, Еврипидом, Плавтом, Эсхилом, Софоклом и др., французский

классицизм — произведениями Корнеля, Мольера. Входили в состав библиотеки произведения Гете, Гейне, Байрона, Беранже, Бомарше, Гюго, Дефо, Диккенса, Дюма, Санд, Золя, Ибсена и других зарубежных авторов. Русская литература в библиотеке И.Казаринова широко представлена сочинениями Г. Державина, П. Боборыкина, Ф. Достоевского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, М. Кольцова, М. Ломоносова и многими другими. К счастью, в библиотеке сохранилась большая часть книг названных авторов и среди них издание «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, одна из самых любимых книг русского читателя начала XIX в. Я не берусь давать оценку взглядам и симпатиям владельца библиотеки на основании ее состава при отсутствии каких-либо других документов. Это следует делать очень осторожно, так как в библиотеке имелись сочинения авторов различных направлений. Я могу только судить о его интересах, о чем свидетельствуют все те же книги. В библиотеке Ивана Ивановича имелись книги по истории («История государства Российского» Н.Карамзина, «История России» С.Соловьева, «Политическая история современной Европы» Сеньюбоса и др.), богословию («Летопись церковных и гражданских событий» архимандрита Арсения, «История православной церкви до начала разделения церквей», «Место христианства в истории» В.Розанова), философии, логике, психологии, этике («Очерки философии Платона» Н.Я. Грота, «Критика чистого разума» И.Канта, «Очерк истории философии с древнейших времен» Н.Страхова, «Душа человека и животных» В.Вундта, «Психология внимания» Т.Рибо, «Основания физиологической психологии» В.Вундта, «Долг» С.Смайлса, «Мир как целое» Н.Страхова. Интересовала его педагогика, политическая экономия, правоведение («Реформаторы воспитания» Квика, «Ответы на вопросы детей как и из чего это делается», «Законы и справочные издания по народному образованию» А.Пругавина, «Воспитание и наследственность» М.Гюйо, «Сборник политических и экономических статей» Н.Данилевского, «Русское гражданское право» Мейера). Были в его библиотеке словари, книги по географии, этнографии («Народоведение» О.Пешеля, «По южной Америке» А.Ионина). Покупал он книги по химии, минералогии, геологии («История свечи» Фарадея, «Полное карманное руководство по химии» Лемана, «Драгоценные камни» И.Святского). Кроме того, библиотека имела прекрасные альбомы по искусству («Наш балет» А.Плещеева, «В театральном мире» Скальковского и др.),

справочники, каталоги. А путеводителями служили «Программы домашнего чтения», «Что читать народу. Критический указатель книг для народного и детского чтения» и другие указатели и каталоги. Много было в библиотеке И.Казаринова периодических изданий, насчитывающих более 30 названий. Среди них хотелось бы назвать такие: «Современная терапия», «Русская старина», «Врач», «Нива», «Доктор», «Русский архив патологии и медицины», «Русская медицина» и др. [1].

В разнообразии репертуара библиотеки И.Казаринова находит отражение та самая жажда чтения, которая отличала поколения русских дворян, приобщавшихся к сокровищам культуры. Отсюда и своеобразный культ книги, долгое время царивший в русском образованном обществе. Из приведенных выше примеров видно, что по своему составу оставшееся собрание книг библиофила весьма разнообразно и характеризует большой размах его интересов. И это ни в коей мере не удивляет, если брать во внимание уровень образования, полученного Иваном Ивановичем. А это — Казанская гимназия, 2 курса Казанского университета и Петербургская медико-хирургическая академия. Учеба в университете, а затем в академии потребовала от него совершенствования в английском, немецком, французском и латинском языках, о чем говорят «Латинско-русский словарь» Шульца, «Полный французско-русский словарь» И.Татищева, «Французский словарь» Reife и его же «Немецко-русско-французско-английский словарь», «Образцовый самоучитель немецкого языка» А.Месковского, а также «Греческо-русский словарь» А.Вейсмана, имевшиеся в библиотеке, но бесследно утраченные в разные годы существования библиотеки уже без ее владельца. Что-то, несомненно, осталось на руках у тех, кто пользовался библиотекой еще при жизни Ивана Ивановича, что-то «зачиталось» учащимися и преподавателями реального училища, большая же часть была утрачена после закрытия училища.

Общественное лицо и заслуги Ивана Ивановича определяются его санитарно-профилактической деятельностью, дружбой с А.А. Черкасовым, А.Н. Недзвецким и другими членами Общества попечения о начальном образовании г. Барнаула и Общества любителей исследования Алтая, членом которых он состоял в течение многих лет и в которых ему принадлежало заметное место. И, наконец, 40-летним служением на посту врача Алтайского горного округа.

Главные вехи биографии И.И. Казаринова легко можно было бы установить, имея на руках его личный архив или воспоминания современников. Ни того, ни другого не оказалось. Благодаря сохранившимся в Барнауле и Томске архивным документам, а также «Списку чинам ведомства Кабинета Его Императорского Величества за 1898, 1899, 1900, 1901 гг. удалось установить, что родился Иван Иванович в 1833 г., в возрасте 26 лет поступил на службу в ведомство и более 40 лет прослужил в нем. В 1899 г. он был награжден за это орденом св. Владимира III степени. И как странно иногда переплетаются судьбы книг и людей! Книги, с большой любовью собранные Иваном Ивановичем на протяжении всей его жизни, стали теми косвенными источниками, которые достаточно много хорошего рассказали нам о своем владельце. А две сохранившиеся печатные работы И.И. Казаринова позволили проникнуть в мир его научных интересов.

Начала я свое сообщение с упоминания двух книг, хранящихся ныне в фонде краевой библиотеки. Эти скромные с виду, серенькие, небольшого объема (всего в 15 и 11 печатных страниц) книжечки включили в себя такой большой объем информации, о котором даже не подозревали их авторы. Что касается очерка А.Недзвецкого, то это интереснейший краеведческий материал, поскольку автор описывает Барнаул конца XIX в., его внешний вид, экономическое состояние города, условия обитания его жителей, возможности городского управления и деятельность медицинского персонала в тех экстремальных условиях разгула страшной эпидемии холеры в городе. Убедитесь сами:

«Эпидемия, как и следовало ожидать, локализовалась преимущественно в Заячьей, самой неудовлетворительной в гигиеническом отношении части города, население которой вероятно не менее 6000. Эта обширная низменная площадь представляет едва заметный уклон к заводскому пруду. Постоянный уровень воды в последнем настолько высок, что почвенная вода Заячьей, не имея надлежащего стока, застаивается, образуя в некоторых местах поверхностные лужи, а в других настоящие зыбуны и трясины. Ближайшие к пруду улицы просыхают только среди лета, весной же и осенью некоторые из них бывают положительно непроходимы. Для улучшения сообщения жители ежегодно и систематически засаривают неудобные места всякими нечистотами, преимущественно же навозом, которого в каждом дворе, при обилии домашнего скота, накапливаются за зиму большие запасы. Так как подобное

унаваживание улиц практикуется с основания этой части города, т.е. много уже лет, то, стало быть, весь верхний почвенный слой Заячьей состоит теперь из наслоений гниющего навоза с громадным запасом всевозможных разлагающихся органических веществ, т.е. такой почвы, которая благоприятна во всех отношениях не только для развития и размножения холерных запяток, но и для успешного развития микроорганизмов прочих инфекционных болезней» [2]. Далее автор сообщает, что «для освежения воздуха и нейтрализации зловонных испарений в этой части города, при громадной скученности строений, совершенно нет древесной растительности, и только в центральной части города имеются при домах маленькие садики и кое-где цветнички. Имеющиеся в центре города огромные незастроенные площади, вместо того чтобы быть засаженными деревьями, служат только местом для склада строевого леса и для прогулок разного скота, представляя собой крайне жалкий вид. А растительность для Барнаула, при его песчаном грунте, положительно необходима в санитарном отношении. Ведь летом только во время дождей здесь не бывает пыли, в остальное же время мы положительно от нее задыхаемся. Благодаря пыли здесь сильно распространены глазные болезни. Кроме того, нужно сказать, что вместе с пылью в наш организм могут попадать зародыши всевозможных болезней и, вероятно, не редко этим же путем мы заражаемся и холерными палочками, проникающими через нос и рот в наш желудок. Это следует принять к сведению для того, что в минувшую эпидемию о поливке улиц никому и в голову не приходило» [3].

Очерк А.Н. Недзвецкого — не простая констатация фактов, это еще и целая программа мероприятий по оздоровлению города, которую автор предлагает властям. Он был довольно признанным авторитетом в городе. На лечение к доктору Недзвецкому приезжал из Томска П.Голубев, автор историко-статистического сборника «Алтай», у него лечился Н.М. Ядринцев. По инициативе доктора А.Недзвецкого в Барнауле в 1897 г. была открыта амбулаторная лечебница [ныне городская больница скорой помощи — В. К.].

Но мой интерес более сосредоточился на другой книге — «Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе» И.Казаринова. Именно она значительно пополнила сведения о самом авторе. Итак, перед нами отчет врача горного госпиталя о том, как прошла эпидемия холеры в Сузунском заводе, какие профилактические меры предпринимались медицинским персоналом завода для предотвращения последствий, которыми грозила жителям эта

эпидемия. Но не подумайте, что это сухой анализ мероприятий. Когда читаешь его, то за каждой строчкой видишь человека, всей душой переживающего за жителей, любящего и место, где он так много лет живет и служит, и дело, которому отдает всего себя и свои знания. Еще при подготовке к встрече с эпидемией, врач Казаринов сделал представление на имя начальника горного округа о разрешении отпуска медикаментов бедным людям даром, а остальным по заготовительной цене, а не по таксе. Он прекрасно знал, что во время эпидемии, когда заболевает сразу большое число людей, невозможно лечить их при существующей таксе на лекарства. Более того, он был убежден, что никакое понижение таксы на лекарства никогда не достигнет цели, а ведение аптечного дела — дело государственное и, оставаясь в частных руках, никогда не принесет ожидаемой от него пользы. Разрешение на отпуск медикаментов, как предлагал И.И. Казаринов, было получено. А вот с предложением закрыть кабаки не согласились, но постановили: «...пить умеренно и садить всякого, излишне выпившего в каталажку» [4]. Вот какой вывод сделал Иван Иванович по этому поводу: «...согласимся — что делать! — на компромисс с экономистами, что, пропив 24550 р. 88 к., будем иметь 5382 р. 84 к. чистого барыша!... И, если зло уж неизбежно, пожелаем развития общественных кабаков. Не все пропитое уйдет на сторону, останется все же хоть частица и на борьбу с другим, хотя и меньшим, по-моему, злом — с холерой!» [5].

Эта позиция Ивана Ивановича очень четко обрисовывает нам его общественное лицо. Врач заводского госпиталя знает, что рабочие пользуются аптекой бесплатно, однако забота его лежит и на всем остальном населении, которое ему далеко не безразлично.

«Врачебная помощь за недостатком персонала не могла быть организована вполне. Врач здесь один и фельдшер - тоже. Прекрасным, впрочем, помощником оказался волостной старшина Ив.Як. Вагайцев; его ровный, спокойный и твердый характер и полная готовность быть мне полезным имели настолько серьезное значение, что упомянуть его имя я считаю своей нравственной обязанностью. Район наших работ ограничивался Сузунским горно-заводским селением (Сузунский завод). На четырех общественных сходах населению, хорошо меня знающему и мне хорошо известному, было сообщено возможно просто и кратко, однако без малейшей утайки чего-либо, все относящееся до свойств ожидаемой и так непохожей на все другие эпидемии; объяснено было, что, если мы сложим руки, то история может разыгаться до

ужасного; население было предупреждено, что холера страшная из страшных болезней, заразительная в высокой степени; было указано, где источник заразы, что облегчает заражение. Затем категорически было заявлено, что от нас именно самих зависит и то, что значение холерной эпидемии может быть сведено до минимума, если только все мы без исключения решимся и действительно примем те меры и выполним те советы, которые выработаны современной наукой. Население было предупреждено также, что, без его личного вполне искреннего содействия, мы — врачебный персонал — можем сделать очень немного» [6].

Эпидемия в Сузуне прошла «малой кровью». Хорошо организованные Иваном Ивановичем мероприятия по профилактике заболевания дали хорошие результаты: из 200 рабочих завода не заболел ни один, а из 3717 жителей Сузуна заболело 66 чел., умерло 24 (13 мужчин и 11 женщин). Тогда как в Барнауле из 800 чел. заболевших — 441 умерли. Вот как об этом пишет сам Иван Иванович:

«Прослужил я здесь 34 года; от мала до велика — все меня здесь знают, да и я мало кого не знаю. С доверием выслушивали меня обыватели на общественных сходах и я особенно убедительно просил их каждый раз — передавать слышанное своим семейным и каждому встречному и поперечному, — что безусловно неустанно проделывал и сам при встрече с каждым больным и здоровым» [7].

Но не только в беседах своих с жителями объяснял Иван Иванович те профилактические меры, которые смогли бы спасти людей от болезни, писал он советы «чуть ли не вершковыми буквами», объясняя, как и когда принимать посылаемое лекарство. Переживал за них всей душой, когда по предписанию необходимо было больных холерой помещать в специально отведенные бараки. По его мнению, строения эти до смерти пугали людей и без этого напуганных болезнью своим видом, напоминающим усыпальницы. Даже само название «барак» пугало людское воображение: «Слово барак не ко двору у нас, и я не раз слышал «барака», в «бараку». Точно ведьму какую чует в ней народ, олицетворяющий и холеру в подобном же образе. «Госпиталь» и «больница» все же лучше для простого уха: хоть и худые, но, по крайности, старые знакомые. Если угодно, вот и пример с хорошим результатом. Тридцать лет живу я в здании госпиталя, устройство которого таково, что моя квартира ни малейшим образом не

уединена от палат больных: коридор, выходы из здания и даже кухня у нас общие. Население так освоилось, привыкло к этой совместности нашей жизни, что почти уже и не различает госпиталя от моей квартиры» [8].

Душевность, сострадание к чужому горю, способность и большое желание предотвратить его — разве не говорит это о том, каким человеком был Иван Иванович. При подготовке к встрече с такой эпидемией, как холера, ему пришлось беспокоиться не только о плане лечения, но и о том, в какую форму будут облачены те немногочисленные лекарства, которые получит он в свое распоряжение, так как пальцы рабочего частенько не пригодны были для такой тонкой работы, как отсчитывание капель даже и в обычное время.

Холера, впервые появившаяся в заводе, заставила и доктора, и народ создать свой лечебник, который мог пригодиться в будущем. У народа — свой, у доктора тоже. Народ вспомнил старину и использовал в лечении мяту, золу, медь, а порой и баню с припарками из отрубей и овса, растирался перцовкой и мазался дегтем, не жалея его. Ну и, конечно, использовал заговоры, в которые свято верил. А доктор пополнил свою библиотеку целой подборкой книг о холере и борьбе с нею, не веря в то, что эта эпидемия никогда не вернется. Я не буду больше цитировать отчет И.И. Казаринова. Те, кого он заинтересовал, смогут прочитать его сами. А мне, в заключение, хочется сказать, что о человеке всегда судят по его делам, по тому, что он оставил в жизни после себя. Иван Иванович оставил после себя прекрасную библиотеку, которая в качестве пожертвования была передана в 1902 г. в Барнаульское реальное училище Николая II. По этим книгам училось не одно поколение реалистов, по ним совершенствовали свое мастерство врачи и учителя Барнаула (9).

Книги живут долго, несмотря на то, что врагов у них предостаточно. Но они, как правило, переживают своих владельцев и напоминают нам о них. Именно книги, с любовью собранные, открыли для нас сегодня Ивана Ивановича Казаринова, человека, для которого они доставляли огромное счастье, восторг для ума и сердца, для всего его существа.

Автор статьи надеется, что результатом большой исследовательской работы по реконструкции библиотеки И.И. Казаринова явится в недалеком будущем печатный каталог собрания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАТО, ф. 126, оп. 2, лл. 9-39. «Список книг, пожертвованных Барнаулскому реальному училищу Императора Николая II вдовою Статского Советника А.Г. Казариновой.»

2. Недзвецкий А. Краткий очерк холерной эпидемии в Барнауле 1892 года. Томск, 1895. С.2.

3. Там же, с.3.

4. Казаринов И. Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе. Томск, 1895.

С.9.

5. Там же, с. 10.

6. Там же, с.2.

7. Там же, с.8.

8. Там же, с.6.

9. ЦХАФАК, ф.43, оп.1, д.66, л.29.

Алтайский сборник. Барнаул, 1998. Вып. XIX. С. 89-97. Библиогр. в примеч. : С. 97.